

Кульганек Ирина Владимировна, д-р филол. наук

Сектор Центральной Азии

Отдел Центральной и Южной Азии

Институт восточных рукописей РАН

(Санкт-Петербург)

kulgan@inbox.ru

Жуков Вадим Юрьевич, канд. ист. наук, доцент

Отдел по связям с общественностью

Санкт-Петербургский государственный

архитектурно-строительный университет

gratis2002@inbox.ru

НЕИЗДАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ О. М. КОВАЛЕВСКОГО ПО ИСТОРИИ МОНГОЛОВ В АРХИВЕ ВОСТОКОВЕДОВ ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН¹

Аннотация. Обзор неизданных рукописей востоковеда О. М. Ковалевского в его личном архивном фонде в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН с упором на фундаментальный 900-страничный труд «История монголов», который (как и другие материалы ученого) является информативным источником по истории Монголии и монголоведения и заслуживает опубликования.

Ключевые слова и фразы: О. М. Ковалевский, личный архивный фонд, Архив востоковедов, Институт восточных рукописей РАН, история монголоведения, рукопись, источник, публикация.

Kulganek Irina Vladimirovna, Doctor of Philology Sciences

The Section of Central Asian Studies

The Department of Central Asian and South Asian Studies

Institute of oriental manuscripts, RAS

(Saint Petersburg)

kulgan@inbox.ru

Zhukov Vadim Yuryevich, Candidate of Historical Sciences, Docent

Department of Public Relations

Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

gratis2002@inbox.ru

UNRELEASED MATERIALS OF O. M. KOWALEWSKI HISTORY OF THE MONGOLS IN THE ARCHIVE OF ORIENTALISTS INSTITUTE OF ORIENTAL MANUSCRIPTS, RAS

Abstract. A review of unpublished manuscripts orientalist O. M. Kovalevsky in his personal archival fund in the Archive of Orientalists of the Institute of Oriental manuscripts, RAS, with emphasis on fundamental 900-page work «History of the Mongols», which (as well as other materials scientist) is an informative source on the history of Mongolia and Mongolian studies and deserves publication.

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ, 17-01-00209/17-ОГОН. "Научное наследие российских востоковедов XIX века: О. М. Ковалевский и В. П. Васильев".

Key words and phases: O. M. Kovalevsky, personal archives, Archives of the Orientalists, Institute of Oriental manuscripts, RAS, the history of Mongolian studies, manuscript, source, publication.

В Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН) в Санкт-Петербурге хранится личный фонд востоковеда Осипа Михайловича Ковалевского (1800–1878) под номером 29. Это самый большой фонд О. М. Ковалевского среди всех, имеющих в Петербурге. В нем 29 архивных дел. В фонде отложились документы 1827–1848 гг. — периода изучения монгольского языка, сбора рукописей, преподавательской деятельности ученого в Казанском университете. Именно в это время им был сделан перевод «Гесера», написаны «Грамматика монгольского языка», «Монгольская хрестоматия», «Буддийская космология», «Монгольско-русско-французский словарь». Некоторые материалы Архива отражают его поездки в Бурятию, Монголию, Китай; среди них отчеты, планы, записки, списки приобретенных этнографических и культовых предметов. Другие материалы — статьи, наброски, готовые научные труды, письма, прошения, извещения, дипломы — относятся к научно-преподавательской деятельности.

Несомненный интерес представляют находящиеся здесь неизданные до сих пор труды О. М. Ковалевского, в первую очередь его монография «История монголов» (д. 1а, 1б), а также статьи «О распространении мусульманства» (д. 5), «Рассуждения о пользе философии применительно к христианской вере» (д. 6). В фонде хранятся также материалы, названные «Лист с именами 7 монгольских первосвященников» (д. 7), «Перевод послания Далай-ламы от 1753 г. (д. 8), «Изображения будды» (д. 14), «Собрание монгольских, маньчжурских ламских костюмов» (д. 25), приобретенные им во время поездки по Монголии, Бурятии и Китаю, «Обряды, употребляемые при китайских свадьбах в Пекине» (д. 17). Кроме того, здесь находятся копии писем, отражающих работу над «Монгольско-русско-французским словарем», отзывы о некоторых работах, например о труде Н. Бичурина «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени» (д. 16), отзыв о В. П. Васильеве, тогдашнем магистранте Казанского университета (д. 27), вырезки из различных газет на русском и немецком языках, содержащие статьи О. М. Ковалевского.

Источниковедам, несомненно, будет интересен двухтомный рукописный труд О. М. Ковалевского «История монголов», имевший резонанс у ряда историков науки. Работа состоит из двух частей (хотя сам автор не называет их так), первая насчитывает 8 тетрадей (188 архивных листов, 148 параграфов), вторая — 7 тетрадей (264 листа, 227 параграфов). Первая часть работы, названная «Введение в историю монголов», представляет собой историю изучения монголов российскими учеными и европейцами, среди них Абель Ремюза, Клапрот, францисканцы. Автор анализирует арабские, армянские, монгольские источники по истории монголов, излагает раннюю историю до периода создания империи в 1206 г. Начало работы четко определяет позицию Ковалевского-историка относительно монголов, которых он считал народом, не имеющим развитой философии, искусства и игравшим скромную роль в мировом историческом процессе.

Во второй части, названной «История монголов» (и давшей название всей работе), рассматривается период с 1206 по 1368 г. Эта часть имеет подзаголовок «Монголы владеют Средней Азией и Восточной Европой. Династия монголов». К работе приложены восемь подробных генеалогических таблиц: «Тогон-тэмур-хан †1370», «Туруболот (старший сын Даян-хана) р. 1484–1523», «Барсаболот, джинонг ордосский с 1512 г., умер ханом 1531 (Саин Алак)», «Арцуболот, пятый Даян-ханов сын, р. 1490», «От Чигис-ханова брата Хабуту-Хасор, в 13^м колене», «Гэрэсандза», «1) Хулагу †1265», «1) Чагатай †124^{1/2}» [1, д. 1б, л. 445–447, 448 об. – 451].

Несомненно, в распоряжении современных историков имеется значительно большее, в сравнении с О. М. Ковалевским, количество оригинальных и переводных сочинений, содержащих материалы по монгольской истории. Однако этот труд Ковалевского является первой большой обобщающей работой по истории монголов в отечественном

востоковедении, она ценна историческими сведениями, присутствующими в ней, верным остается также ряд теоретических выводов исследователя и, несомненно, она должна быть введена в научный оборот.

В фонде имеется несколько исторических документов, которые, возможно, ученый предполагал ввести в научный оборот и использовать в своих исторических трудах. Это «Копии с русских и переводы с монгольских и китайских исторических документов XVI–XIX вв.» (д. 4), они представляют собой 19 разрозненных листов разного формата — от А4 до четвертей тетрадных листов. В папке собраны интереснейшие исторические документы: грамоты, договоры, прошения, донесения (главным образом времени царствования Анны Иоанновны¹), рассказывающие о взаимоотношениях российского правительства с представителями верхних слоев приграничного населения России, о результатах и ходе официальных переговоров в приграничных районах России с Монголией и Китаем, об обстановке в этих регионах в разное историческое время. Так, есть некий «императорского величества патент» от 1731 г., подписанный канцлером графом Головиным, данный селенгинскому зайсану Амуру Андыхаеву за «верную и усердную свою службу». На листе гармоникой из шести изгибов рукой Ковалевского переписан выполненный Г. Вознесенским² перевод докладной записки владельца «Западного княжества Джуанья» к «хуанди» от 1528 г., в которой князь жалуется на притеснения соседнего великого государства и просит защиты в обмен на обязательство с его стороны исправно платить дань.

Несомненный интерес для историков, изучающих отношения Цинского Китая и России, представляет имеющийся в данной единице хранения документ от 20 августа 1727 г. об учреждении границ между Россией и Китаем при Селенгинске на р. Буре, подписанный «чрезвычайным посланником полномочным министром, тайным советником Иллирийским графом Саввой Владиславичем³ с секретарем посольства Иваном Глазуновым», с одной стороны, и «китайским министром, генералом правителем государственным ханским деятелем Цырен ваном», — с другой.

О широте интересов молодого Ковалевского свидетельствует его неизданная статья «О распространении мусульманства» (д. 5), которая содержит сведения о начале распространения ислама среди кочевников Центральной Азии. Фрагмент чрезвычайно информативен. Автор высказывает мнение, что распространению религии способствовала в первую очередь торговля. О. М. Ковалевский писал:

«Неутомимые аравитяне силою оружия и народного своего духа раздвинули далеко на восток пределы своего владычества, пришли наконец в соприкосновение с среднеазиатскими номадами. Мусульманские кутцы за громадными горами Белура познакомились с восточными турецкими племенами, а не имея возможности проникнуть прямо во внутренность Индии, стали довольствоваться некоторою торговлей с городами, расположенными на берегах Инда. Восемь кровавых походов Махмуда познакомили арабов с Лагором, Дегли, Кашмиром, и вслед за ними ислам достиг берегов Ганга. Бесстрашные приверженцы Мухаммеда еще в царствование Велида⁴ (в первой половине VIII века) с Кораном приходили в Среднюю Азию с 651 г. Политический союз Отомана с Китаем приносил пользу обеим державам. Китайский двор потому не хотел внимать просьбам и жалобам западных турецких владельцев на притеснения со стороны аравитян, оттого-то арабы почти

¹ Анна Иоанновна (1693–1740) — российская императрица (с 1730), племянница Петра I.

² Вознесенский Г. — переводчик в Иркутске, с которым общался О. М. Ковалевский в 1829–1830-х гг., будучи в Забайкалье.

³ Савва Владиславич — Рагузинский Савва Лукич, граф Иллирийский (1669–1738), серб на русской службе, торговый и финансовый агент России на балканском полуострове и полномочный посол России в Китае в 1725–1728 гг., заключивший Бурунский и Кяхтинский договоры о разграничении территорий и торговле между двумя странами.

⁴ Велид = Валид = Абд-ал-Валиди — правитель Омейядского (Умейядского) халифата (705–715). При нем и его отце Абд-аль Малике были завоеваны земли между Сырдарьей и Амударьей, Фергана и Ташкентский оазис. В результате его реформ арабский язык стал государственным, введена единая денежная система.

беспрепятственно расширили там свои границы. Между тем неизмеримые среднеазиатские равнины, обитаемые кочевыми жителями, по необходимости должны были поддерживать торговые отношения с берегами Хуан-хо, несмотря на препятствия, сопровождавшие оных при каждом движении номадов к пределам империи».

Ценным материалом в фонде О. М. Ковалевского является «Отчет о поездке в Пекин через Монголию» (д. 23). Этот материал содержит на 10 страницах краткое обозрение представлявшихся им в течение пяти лет отчетов о пребывании в Иркутске, Бурятии, Монголии и Китае. Ковалевский называет цели и задачи своей многолетней командировки, организованной Казанским университетом, который «предполагая умножить число восточных кафедр», отправил его

«сперва в Иркутск, к служащему там переводчику статскому советнику г. Игумнову, потом — к племенам монголо-бурятским, населяющим Забайкальский край, и наконец — при духовной миссии через Монголию в Пекин для изучения монгольского языка и, по отеческой заботливости об успехах на сем поприще своего воспитанника, снабдил наставлениями, касающимися не токмо изучения самого языка, но и предметов, заслуживающих внимания по части истории, географии, статистики и религии столь отдаленных народов в пределах России или смежных с оною».

В этом «кратком обозрении» Ковалевский сообщает о помощи, оказанной ему английскими миссионерами Сталибрасом и Юиллем в Селенгинске, о том, что он взял у Игумнова 8 тыс. слов для «Монгольско-русско-французского словаря», о том, что одновременно он готовил сокращенный вариант этого словаря. В обозрении есть интересное замечание о том, что «по возвращении он написал работу о Монголии в отношении политическом, нравственном, хозяйственном, религиозном, сравнил ее с русской Монголией — забайкальскими бурятами» (эта работа О. М. Ковалевского пока не найдена).

Нам представляется уместным воспроизвести ниже несколько фрагментов неизданной работы О. М. Ковалевского по истории монголов, которая находится в АВ ИВР РАН.

«[§] 1. Каждый народ имеет свое прошлое, свою историю. Не одни греки и римляне, индийцы и китайцы внесены в скрижали бытописания; монголы и тунгусы занимают в них приличное место, сообразно с путем, который они совершили на предначертанном им поприще. Известно, что не все человеческие общества успели ознаменовать свою жизнь высоким развитием понятий о религии, философии, политике и искусствах; не все успели пройти разные пути гражданственности; некоторые до сего времени остаются звероловами или пастухами. К последнему разряду принадлежат монголы,¹ которые после многих переворотов судьбы при значительной образованности соседей и теперь питаются избытками от стад своих и служат важным оплотом для китайской империи, а по особенному стечению обстоятельств эти вооруженные пастухи вместе с иноземной религией получили богатую литературу, которая далеко превышает настоящую их потребность.

2. Непрерывная борьба с природой и соседями доставила монгольскому племени особенный, почти неизгладимый тип материальности, которая, прививаясь к другим элементам жизни инородных оседлых врагов, принесла им чистую пользу взамен неисчислимых бедствий, причиненных от меча и варварства чад степных. Между тем монголы в своих родных пустынях, почти не смешиваясь с посторонними группами рода человеческого, с течением времени слились в одну массу, простую, неподвижную прозябающую от недостатка питательного соку, пережившую свое величие как развалины вокруг своего памятника. Но это

¹ Курсивом выделено подчеркнутое в тексте оригинала.

громадное среднеазиатское племя ожидает еще животворной силы, которая воскресит его и поведет неведомым для нас путем! Впрочем, перед нами раскрывается одно прошедшее, и мы обязаны рассмотреть минувшие судьбы монгольского народа, который в свое время играл важную роль в исторической драме.

3. История монголов разделить можно на три периода. В первом из них, за два столетия (220) до нашей эры по XIII век (1206) по Р.Х., часть Средней Азии, почти погруженная в дикости, волнуемая от внутреннего неустройства, как горнило огнедыщащей горы, растопляла массы отдельных родов и ватагами хищных орд забрасывала в особенности Северный Китай. Извилистая и медленная политика владыки Подсолнечной империи истощала все свои силы на укрощение бездомного и быстрого, как молния, с места на место перелетавшего врага. Система мира и родства, придуманная китайцами, не в состоянии была остепенить кочевников: семена цивилизации, занесенные из Китая и Индии, не могли окрепнуть в сыпучих песках Средней Азии, где в нищете рос и мужался гигант, будущей завоеватель Азии и части Европы.

Во втором периоде является предприимчивый герой под именем Чингис-хана, который, сплотив всю массу монгольских родов, опустошил Северный Китай, покорил Среднюю Азию, на развалинах богатых и людных царств положил основание обширной монархии, обхватившей и Восточную Европу. Эта монархия распалась потом на четыре части, из коих одна (Китай, Тибет и Монголия до Алтайских гор), сделавшись достоянием непосредственных приемников Чингис-хана, имевших пребывание в Пекине, раздавала престолы в остальных трех ханствах. А именно чагатаидам в странах от Алтая до Джесайхуна, джучидам на севере Каспийского и Черного морей, тулуидам в Персии. Но, несмотря на все усилия императоров упрочить политическое и религиозное единство в этом гигантском государстве, случайно образованном из многих царств, из разнородных стихий, с пресечением завоеваний чрезвычайно быстро созрели семена разрушения. Обладание отдельными престолами сопряжено было с неумолкаемой борьбой соискателей их, Чингисхановых потомков, особенно между чагатаидами и джучидами, между тем как подданные их постепенно теряли воинственный дух, религию и весь свой родовой характер. Владычество чагатаидов прекратилось в половине XIV в., джучиды перестали царствовать в конце XV столетия. Около 1336 года судороги безначалия обрушили могущество монголов в Персии, а в 1368 династия монгольская Юань принуждена была бежать из Пекина в прежние свои среднеазиатские пустыни и там ожидать новых ударов, новых бедствий со стороны своих беспокойных родовичей. Изнеженные и развращенные в богатом Китае монголы возвратились в обнаженные степи нищими, порочными, лишенными правильной гражданственности. Остановленными проницательными своими руководителями — ламами, они забыли даже буддизм, сильно обуздывавший кипучие страсти кочевников. Итак, в 162 года (1206–1368) отжила свой век монгольская монархия, не умевшая отыскать точку опоры для своего могущества.

В третьем периоде (1368–1691) раздробленная Монголия в родных своих кочевьях увидела новое брожение орд, из которого истекли разные союзы, боровшиеся то между собой, то с Китаем, пока хитрая политика маньчжуров во время войны с Китаем не вовлекла в свои сети монголов, и потом не поработила их совершенно. С сего времени открылось новое поприще для деятельности императоров (богдыханов) из династии Цин в устройстве новых их подданных, монголов, которые, под иноземным игом все приняли буддизм с его литературой, стали жить мирно и сделались немаловажным оплотом для китайской империи.

В таком размере желаем пересказать минувшую монголов, не скрывая однако трудности нашего предприятия от неполноты сведений, нужных и необходимых для историка» [1, д. 1а, л. 1–3 об.].

«Период второй 1206–1368 = 162 г.

Монголы владеют Средней Азией и Восточной Европой. Династия монгол

[§] 1. В течение полутора столетия одно ничтожное поколение, явившись внутри Восточной Азии, успело, среди кровавой борьбы со своими врагами, возмужать, поглотить множество мелких владений и царств, наложить иго на значительную массу человечества и, наконец, одряхлеть под тяжестью покоренных им народов. Преодолевая эгоизм посторонних поколений, как бы увлекаемое непостижимым роком, оно, по дымящимся развалинам частных, через потоки крови человеческой, быстро мчалось к незнакомым ему пределам. Правда, это поколение вполне не воспользовалось плодами своих неслыханных подвигов. Разрушитель чужих элементов народной жизни пал жертвой собственной беспечности, нерасчетливости, внутреннего бессилия. Но явление его в азиатском мире было необходимо и увековечилось чрезвычайно важными последствиями в летописях Азии и Европы.

2. Начальная история сего поколения скрывается в глубоком мраке прошедших времен. Древние о нем предания еще не скоро будут критикой превращены в историческую достоверность по причине разногласия старинных сказаний, часто запутанных догадками наших исследователей. Жители нынешней Монголии издревле разделялись на роды и поколения, которые то враждовали друг с другом, то мирились, бросались на общую добычу или, изнурившись от внутренних раздоров, преклоняли колено перед сильнейшим. В последнем случае повелитель номадов, своей властью подавляя частные их притязания на первенство, обыкновенно название свое рода или поколения распространял на всех своих подданных. <...>

226. Со времени владычества России в Сибири водворение христианства между инородцами составляло один из важных предметов забот правительственных. Мы упомянули об основании монастырей в Забайкальских степях как о рассаднике слова евангельского: труды усердных пастырей не остались там без успеха. Еще в 1681 г., по указу Феодора Алексеевича¹ и по грамоте Сибирского приказа, отправлен был из Москвы на Селенгу, для обращения инородцев в христианство темникова Сретенского монастыря игумен Феодосий с иеромонахом Макарием и 10 монахами, которые сперва жили в Селенгинском Троицком монастыре, а потом на мысу у Байкала начали строить монастырь Посольский.

Далее Тобольский митрополит Филофей Лецинский (1702–[17]21), исполнитель воли Петра В[еликого], имея в виду распространение слова жизни и в сердце монголов для разведения об их вере, посылал к Джебцун-дамбе своих ученых, присоединив к ним молодых людей для изучения монгольского языка. Эти ученые в Урге беседовали с хутухтой при стечении 2 т[ысяч] лам, познакомились с обрядами буддийскими; но ученики, от невнимательности к ним, скоро возвратились в Сибирь без ожидаемых успехов. Потом же иерарх, осматривая свою паству в Иркутске, заглянул и за Байкал. История умолчала о плодах духовных того времени. Зна[е]м только, что христианское рвение ополчало многих из черного и белого духовенства, частных даже светских людей на подвиг в новой стране. А когда буряты, особенно их ламы, заяблонных² тунгусов превращали в монголов и буддистов, с котомкой за плечами пришел к ним в Даурию мещанин Кирилл Суханов (род. в Яренске 1741, умер нерчинским протоиереем 1810) возвестить веру Христову. Выучась по-тунгусски,

¹ Федор III Алексеевич Романов (1661–1682) — русский царь (1676–1682), сын царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны (урожд. Милославская), старший брат царей Ивана V (родной) и Петра I (единокровный).

² Заяблонные тунгусы — жившие за Яблонным хребтом, в Заяблонной части Забайкальской области Российской империи. Яблоновый, или Яблонный, хребет (длина 650 км, максимальная высота 1706 м) — горный хребет в центральной части Забайкалья, главным образом на территории Забайкальского края.

он крестил сотни тунгусов, населял ими деревни, строил храмы, писал иконы, заводил училища для образования причетников, диаконов, священников, иконописцев, писарей, каменщиков и пр. и обессмертил свое имя в памяти признательных бывших номадов. Потом труды Библейского общества, питомцы Иркутской семинарии, изучившие монгольскую грамоту, основание английской миссии на Селенге и Кудуне¹ заронили кроткое учение Иисуса. С каждым годом число крещеных бурят и тунгусов умножается. „Там особые небеса, особые стихии жизни даже животной, свои заблуждения, утвержденные тысячами времен и миллионами отживших поколений, следственно, для возрождения поколений живых требуется время благоприятное, когда бы народная образованность возвысилась над тысячелетними верованиями, [поняла тщету их]² и ощутила жажду к идеям высшего духовного порядка. В такое время воссияет с неба день спасения, лишь бы от севера явились души безмездные, души водимые духом апостольства“ (П. Словцов).³

227. В Иркутском, Верхнеудинском и Нерчинском уездах 1839 г., по официальным сведениям, находилось буддийского исповедания 61 605 д[уш] м[ужского] п[ола] и 59 628 ж[енского]. Всего 121 233 души. Сверх того, значительное число бурят и тунгусов, приведенных в христианство, отчасти в зависимости от Степных дум, а более живущих в деревнях, на общих правах государственного крестьянина.

Училища при Степных двух думах (Селенгинской и Хоринской), в Троицкосавске и Нерчинске доставляют обитателям Забайкалья почерпать начала образованности при содействии правительства» [1, д. 16, л. 189–189 об., 443–444].

Нет сомнения в том, что содержательная и объемная (900-страничная) неизданная рукопись известного востоковеда Осипа Михайловича Ковалевского, являющаяся важным и информативным источником по истории Монголии и монголоведной науки, заслуживает «приведения в известность» и должна быть опубликована.

Источники

1. Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН). Ф. 29. Оп. 1. Д. 1а, 1б. Ковалевский О. М. История монголов. 452 л. Д. 1а. [Ч. 1]: Введение в историю монголов. Л. 1–188; Д. 1б. [Ч. 2]: История монголов. Л. 189–452.

УДК 008+130.2 (510)

Кучинская Татьяна Николаевна, док. филос. наук, доцент
Кафедрой востоковедения
Забайкальский государственный университет
kuchinskaya_t@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ И ИХ РОЛЬ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СТРАНЫ

¹ Кудун, ныне Худан (Кодун, Худун) — река на юге Восточной Сибири, в Бурятии; левый приток р. Уды (бассейн Селенги).

² Эти три слова О. М. Ковалевским пропущены.

³ Цитата из книги «История Сибири. Книга первая с 1585 по 1742 год. Период 3 с половины 1709 по 1742 год» историка Сибири и поэта Петра Андреевича Словцова (Слопцов) (1767–1843).